

Р. С.-И. Семькина

Барнаул

**МОТИВ ИСПЫТАНИЯ ВЕРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М.
ДОСТОЕВСКОГО И Ю. В. МАМЛЕЕВА**

В цикле «Конец века» Ю. Мамлеев разрабатывает специфически «достоевскую» проблему страдания как фактора, провоцирующего неверие в высшие ценности, и вместе с тем как состояния души, необходимого для прозрения вечности: «...любая метафизическая инициация вначале проходит фазу, которую называют “черная ночь души”» [Мамлеев в интервью Шаповалу, 1988]. В данном цикле наиболее впечатляющие коллизии испытания веры в Бога представлены в рассказе «Крутые встречи» с метафизическим сюжетом, напоминающим картины Босха и Гойи. Действие происходит «в глубоком отдалении от Москвы, в домике, затерянном на лесистом участке» [Мамлеев, 2001: 91]. Но участники собравшейся здесь «компашки» – это *бывшие* люди, уже пережившие смерть и воплотившиеся то в уродливые, то в звериные существа, возможно, в наказание за недостойную жизнь в прошлом: два брата, слипшиеся в одно тело с двумя головами; «человекомужчина, выходец из другого мира, весьма жутковатый дух, вселившийся в человеческое тело»; медведь, «бывший когда-то в предыдущем воплощении и в других мирах существом, наделенным разумом, но преступником, прошедшим через ад и вышедшим оттуда в обличье медведя»; и «просто труп». Компания собралась для проведения ритуала, напоминающего спиритический сеанс. Миссию гадателя-медиума исполняет «выходец из другого мира». Он и берет на себя роль исполителя-провокатора, пытаюсь пробудить в слушателях ненависть к Богу: «Я хочу, чтобы вы признали всем сердцем, что бог жесток и несправедлив» [Мамлеев, 2001: 95].

Совсем не случайно имя провокатора Павел – имя апостола, некогда усомнившегося в Христе. Но бывшие преступники, уже жестоко наказанные Богом, все же не хотят признавать Его несправедливости и надеются на его милосердие. Они возмущены словами Павла: «*Что вы нас в угол загоняете! <...> Что вы здесь, в конце концов, богохульством занимаетесь <...> Да что же это такое, на Земле мы или в аду?!*» [Мамлеев, 2001: 95]. Примечательно, что в их диспуте с Павлом мелькают замечания и аргументы, напоминающие диалог Ивана Карамазова с чертом в его кошмарном сне. Медведь, напр., заявляет: «*Я лет восемьсот,*

наверное, по здешним меркам провел в аду, под Вселенной, в крошечной тьме и ненависти, все сны мои были в крови, я не знаю, где я и что со мной, и боли много было нетленной, вот что я выстрадал. И все-таки я Его люблю, ибо от Него жизнь. Люблю и все <...> И теперь люблю» [Мамлеев, 2001: 95]. Это напоминает анекдот об атеисте, наказанного за неверие тем, чтобы он прошел во мраке квадриллион километров, и когда неверующий прошел-таки этот путь и ему отворили дверь в рай, так он сразу, не пробыв и двух секунд, пропел Богу «осанну» [Достоевский, 1976, XV: 78-79].

Другой фрагмент рассказа: *«Вдруг какой-то искрой в уме медведя прошло воспоминание о смягчении мук в аду, об этом, как он считал, неизменном подарке высших сил обитателям ада» [Мамлеев, 2001: 98] – тоже ассоциируется с упоминанием Иваном (в беседе с братом Алешей) апокрифа «Хождение богородицы по мукам»: о том, как Богородица вымаливает у Бога временную остановку мук для грешников [Достоевский, 1982, XIV: 225]*

Пафос этого рассказа особенно близок пафосу Достоевского, хотя онтология Мамлеева, излагающая непрерывную цепь превращений умерших, весьма далека от христианской онтологии Достоевского. По христианским понятиям, душа грешников после смерти тела испытывает мытарства, т.е. подвергается истязаниям еще до Божьего суда. Таким истязанием может оказаться и внезапная метаморфоза. Так в рассказе «Бобок» благочестивый лавочник воспринимает перевоплощение в могилах «добропорядочных» господ в циников и развратников как начало мытарства души. В ответ на взвизги Авдотьи Игнатьевны: *«Да поскорей же, поскорей! Ах, когда же мы начнем ничего не стыдиться!» – престолюдин заохал: «Ох-хо-хо! Воистину душа по мытарствам ходит!...» [Достоевский, 1980, XXI: 53]. Наступает, таким образом, «не конец жизни, а начало бесконечной адской муки» (Л. Карсавин).*

В рассказе Мамлеева «Крутые встречи» эти мытарства представляются крайне продолжительными, почти бесконечными, потому что его персонажи живут по законам индийской мифологии и метафизики, допускающим продолжительный (в принципе бесконечный) ряд превращений-трансмутаций души (учение метемпсихоза), которые объясняются «провидцем»-провокатором как все новые истязания, посылаемые «жестоким» Богом. Эти существа страдают и за то, что было в далеком прошлом, до их превращения в жителей земли – людей, и за преступления, совершенные уже на Земле. Они живут в метафизическом (вечном) времени, хотя и не ощущают вечность как реальность. Тем более, что в трансвоплощениях фактор времени не играет особой роли: можно воплотиться как в «прошлом» («уже-бытии-в...») – по Хайдеггеру), так и в «будущем» («вперед-себя...») – по Хайдеггеру) – эти понятия теряют свой смысл при переходе из одного мира в другой, где течения «времени»

совершенно различны, а с позиции Абсолютной Реальности время — просто иллюзия [Мамлеев, Судьба Бытия. Электронный ресурс]. Поэтому описанные Мамлеевым различные провалы во времени, попадания как в прошлое, так и в будущее – не фантастические события, а реальность¹.

Религиозно-метафизическую же логику времени в художественном мире Ю. Мамлеева увидел современный философ Александр Дугин: «Время обладает особым качеством, связано сложным образом с вечностью, может быть пройдено в обоих направлениях. Это базовый религиозный факт: пророки видят и то, что есть, и то, что было, и то, что будет. И все три модальности священной истории сосуществуют, присутствуют в бытии. Обычным людям они открываются последовательно, развертываясь в определенном порядке. Но исключительные воспринимают вечность как факт, как реальность опыта. Остальные должны верить в вечность, верить в бытийную непреходящую сущность и того, что было, и того, что будет. Те, кто уверяет, будто существует лишь эфемерное мгновение, лишь ускользающий миг «здесь и сейчас», а остальное лишь представление марионетки антихриста» [Дугин, 2001, I: 6].

Вера в вечность, бессмертность человеческого/Божественного Я составляет основу теории и практики метемпсихоза или метареинкарнации, так много объясняющей в метафизической антропологии Мамлеева. В работе «Судьба Бытия» в качестве ключа к его разгадке Ю. Мамлеев называет стихотворение поэта-мистика, философа-суфия Джалаледина Руми. На английском языке это стихотворение опубликовано в книге «Remembering Ruotir Demianovic Ouspensky», Yale University Library, 1978. На русский язык его перевел Ю. Мамлеев:

Я был камнем и восстал как трава
Я умер и снова восстал как зверь.
Я умер как зверь и восстал человеком.
Почему я должен бояться?
С каждой смертью я не становлюсь меньше.
И когда я умру как человек,
Я восстану сияющим ангелом.
Но даже ангелы исчезают
Перед лицом Вечности.
Не погибает Один Бог.
И когда я принесу в жертву
Свою ангельскую сущность,
Я восстану Тем, Кто
Непостижим ни одним умом.

¹ Тем более что данные явления сегодня теоретически обоснованы «новой физикой».

В стихотворении речь идет о реинкарнации, но не на уровне «популярной веры» (Кумарасвами говорил: «Реинкарнация – не более чем популярная вера»), а о метареинкарнации в истинно эзотерическом смысле: не банальное перевоплощение, а «транс-воплощение», трансмиграция (например, воплощение в других мирах, в иных состояниях). Смысл ее в том, что «человек не повторяет в своем прохождении космологической лестницы одного и того же состояния, не возвращается в то место, в котором он уже пребывал, и, следовательно, каждое его воплощение – космологически уникально и неповторимо, что, кстати, согласуется, более или менее, с христианской доктриной», в концепции которой «Человеческая душа не возвращается в новое физическое человеческое тело на этой земле...», т.е. «не возвращается в прежнее состояние – состояние жизни на земле в качестве “физического человека”» [Мамлеев, Судьба Бытия. Электронный ресурс].

Но кто трансмигрирует, кто был/становится «травой», «камнем», «зверем», «человеком», «ангелом»? Чтобы ответить на этот вопрос, Мамлеев вводит новый термин: «Центр Самобытия» (или самоотжественный корень), который «определяет себя как себя в любом существе». Понятно, что «душа» человека не может быть «душой» зверя, а психика и индивидуальный ум человека и вообще человеческая «индивидуальность» не может присутствовать в «звере». Речь здесь идет о «самотождестве своего бытия» или «самотождестве чистого бытия, т.е. бытия, очищенного от всего феноменального, ибо в феноменальном смысле нелепо видеть идентичность человеческой и животной жизни. «Это самотождество (по которому любое существо определяет бытие как свое собственное)» или Центр Самобытия, который «будучи одинаков у всех существ по своей сути чистого бытия, в то же время «различен в неразличимости», ибо ясно, что у “Петра” он “иной”, чем у “Павла” – иначе Петр и Павел были бы одно и то же существо» [Мамлеев, Судьба Бытия. Электронный ресурс].

Таким образом, Центр Бытия создает некое тождество бытия между разными видами воплощения и делает понятными фразы: «Я был камнем», «буду зверем» и т. д. Особое значение имеет последняя фраза стихотворения: «Я восстану Тем, Кто непостижим ни одним умом». Объяснить ее можно, обратившись к «святому источнику» – Веданте, основанной на концепции не-дуализма. Суть учения в констатации тождества между Атманом (Божественным Я внутри человека), которое присутствует в каждом человеке по факту его *человеческого* рождения и особого центрального его положения, и Брахманом (объективным Абсолютом). Но «потенциально» присутствующее в человеке Божественное Я «не раскрыто и не реализовано – и путь раскрытия,

реализации этого Я и есть путь Богореализации² или реализации Абсолюта. Один из путей подобной Богореализации – это путь йоги («Единство с Богом»), который предполагает в своих высших ... ступенях полнейшую трансформацию человеческой природы (в том числе «биологической») вплоть до реализации «божественного тела» и дальнейших ступеней <...> высшая цель йога – полная Богореализация, т. е. реальное отождествление себя с Богом, полное «вхождение» в Его природу <...> освобождение («Deliverance») от всего временного, не вечного, не божественного» [Мамлеев. Судьба Бытия. Электронный ресурс]. Путь Богореализации – «разотождествление» себя со всем тем, что не есть Бог: телом, психикой, умом и с Эго – «временным индивидуальным Я» – приводит к распознаванию Божественного Я. Это и является задачей метареинкарнации, которая не имеет ничего общего с «перевоплощением». Критерием идентичности и тождества, единственно объединяющим началом «души», «камня», «растения», «зверя»,

² Примечание Ю. Мамлеева: «Богореализацию (или Освобождение) следует также отличать не только от «спасения души» (т. е. сохранения ее первоначального адамического статуса), но даже и от всех форм так называемого обожения. Богореализация не предполагает в качестве конечной цели «богочеловечество», наоборот, при полной Богореализации всякая связь с «человеческой природой» уничтожается и тот, кто имел оболочку человека, оказывается тем, кем он есть в своей последней глубине, т. е. не чем иным, как Богом. Таким образом, сама «идея» реализации Абсолюта ни в коей мере не предполагает какое-либо «обожествление» человека, скорее напротив: человеческая личность приносится в жертву, чтобы реализовать неизмеримо более высшее <...> Обожение же, т.е. постепенное вхождение божественной природы в человека (при одновременном сохранении человеческой), является в некоторых вариантах индуистской практики (например, в высшей йоге) лишь предварительной ступенью Богореализации (это обожение, например, включает «приобретение» божественного бессмертного тела, власти над космосом и т. д.. т. е. всего того, что входит в практику высших йог в Индии). При обожении человек становится Богочеловеком, несущим в себе две природы, человеческую и божественную. При дальнейших же этапах присутствие человеческой природы становится ненужным – и школы высшей йоги заканчиваются практикой полной Богореализации, окончательно завершающейся после «смерти», после уже формального ухода с земли в жизнь бесконечного Бога <...> Таким образом, это – постепенное восхождение, хотя – при определенных условиях – возможна более «непосредственная» «неступенчатая» Богореализация, минующая некоторые предварительные этапы. Такое обожение (и даже Богореализацию) следует отличать от Боговоплощения в человеческой форме, концепция и, если так можно выразиться, «практика» которой подробно известна в Индии. Но пути сверху-вниз и снизу-вверх где-то смыкаются, поэтому по своей природе Кришна (один из случаев полного Боговоплощения) и, например, Рамана Махарши (случай Богореализации) – едины, существенное различие касается лишь характера манифестации: Бог, воплотившийся в человеке, приходит в Славе своих полных возможностей, в то время как человек, завершающий дело Богореализации на земле, только входит в Океан Божественной реальности» [Мамлеев. Судьба Бытия. Примечания <http://www.rvb.ru/publikacion/03misk/thirdlit.html>].

«человека» и т.д. – разных ступеней бытия – является единый Центр Самобытия, высшее выражение которого – Я есть Я³. Таким образом, трансмигрирует в этой цепочке существ само Я.

«Естественно, своего полного выражения Абсолютное Я достигает не в человеке, а только в Себе Самом, т.е. в Боге. Это стихотворение и заканчивается намеком на акт Богореализации, при котором приносится в жертву предыдущая ангельская сущность. Иными словами, чтобы быть Богом, надо уничтожить (пожертвовать) прежние Эго, прежние состояния, какими бы высокими они ни были, принеся в жертву все, что не есть Бог <...> “Кто непостижим ни одним умом” – самоочевидно, что Бога нельзя “понять” человеческим умом, даже Божественный Интеллект, единосущный Ему, не исчерпывает Его: Бога можно “понять” только, если Им “быть”, ибо трудно утверждать, что Бог непознаваем для Самого Себя» [Мамлеев, Судьба Бытия. Электронный ресурс].

Итак, конечная цель «ситуации человека» – постижение собственного, вечного, бессмертного Я. Это не «психологический или ментальный процесс, а, наоборот, является уничтожением всякой психологии и ментальности, всякого отождествления себя с умом и со своими мыслями (не говоря уже о теле). Он означает скачок из царства человеческого ума в скрытое неуничтожимое неподвижно-блаженное царство трансцендентного Молчания и сверхума, подлинная природа которых невыразима в словах. Это – переход в иной «пласт» внутренней реальности, далекий от обычной, знакомой людям жизни психики» [Мамлеев. Судьба Бытия. Электронный ресурс].

³ «Формула: “Я есть Я” (или Я = Я) наиболее из всех возможных глубинна. Она обладает, в моем опыте, наибольшей силой внутреннего вызывания той Реальности, которая идентична Богу или Абсолютному Я и наиболее полно ее выражает.

Суть этой метафизической формулы заключена в совокупности следующих моментов:

1. Эта формула устанавливает тотальный акт самоотжества, благодаря которому “реализуется” чистое, вечное Бытие, точнее, Самобытие, ибо такое Бытие является высшим проявлением бытия для самого себя, в котором Знание о своем бытии и само Бытие слиты во Единое.
2. Реальность, вызываемая этой формулой, т.е. чистое, равное Себе Я находится по ту сторону мыслительных процессов, являясь, однако, их неподвижным Источником.
3. Это Я – абсолютно, т.е. оно “находится” вне изменений и времени, всегда равно Самому Себе и не зависит от феноменального мира.
4. Таким образом, можно также “назвать” это Абсолютное Я чистым Сознанием без объекта сознания, или Сознанием в Самом Себе, Сознанием для Себя, Сознанием, созерцающим самое Себя <...>

В то же время формула “Я есть Я” дает возможность проникать в наиболее глубинные бездны вечного Самобытия и любить его бесконечной любовью. Ею выражается в конце концов – сама тайна Я» [Мамлеев Ю. Судьба Бытия; <http://www.rvb.ru/publikacion/03misk/thirdlit.html>].

Однако герои рассказа «Крутые встречи» испытуются еще в состоянии «Бардо», т.е. в состоянии невоплощенной души после смерти. В этот момент «жизнесмерти» душа видит «как на экране свое последнее воплощение и совершает суд над собой, согласно объективированным кармическим законам, избежать которые практически нельзя и которые определяют ее будущую жизнь» [Мамлеев. Судьба Бытия; <http://www.rvb.ru/publikacion/03misk/thirdlit.html>]. Медиум Павел комментирует эти видения: «Поймите, ваш ум совершал эти ваши прошлые преступления, за которые вы сейчас расплачиваетесь, но страдает ваше бытие, а не ум, простое и нежное бытие, которое невинно и по своей сути ничего не совершало...» [Мамлеев, 2001: 101] и, предсказывая страшное будущее, испытывает своих подопечных: «Что вы все воете и извиваетесь, как призраки на дне... Нежели вы ничего не поняли?.. Ведь *провоцировал* я вас, *провоцировал*, говоря о Божьей несправедливости, искушал <...> **слабосильные** (выделено мной – Р.С.) <...> и увидел, как вы мучаетесь в неразрешимой попытке понять то, что понять человеку невозможно <...> Прыгайте, пляшите <...> Вам ли понять Бога <...> Непостижимо все это, непостижимо!...» [Мамлеев, 2001: 102]. Итоговое заключение духа определяет упорствующих в вере словечком из «Легенды о великом инквизиторе», где устами «могучего духа» (дьявола) люди названы «слабосильными бунтовщиками» [Достоевский, 1976, XIV: 232], хотя упорство этих уродливых существ, хранящих божью искру в душе, вовсе не свидетельствует об их слабосилии, а, наоборот, о готовности пройти квадриллион километров мрака, уверовать в Него и пропеть ему Осанну.

У Достоевского идея бессмертия души – это идея существования Бога: человек, верящий в Бога, верит и в бессмертие. Суть метафизики Мамлеева – в обретении человеком внутри себя Бога. Не искры Божьей, не сознание Бога, а Бога целиком, полностью совпадающего с Абсолютом. «Каждый человек может открыть в себе это Высшее я или Бога, отождествить себя с ним, уничтожив ложное отождествление себя со своим телом, психикой, индивидуальностью и умом, перестав быть, таким образом, дрожащей тварью» [Мамлеев, 2001: 142]. Это концепция «Бога в себе», Великого Тождества, излагаемая Андреем Артемьевичем в рассказе «Дорога в Бездну». Андрей утверждает, что «согласно адвайте – Веданте <...> абсолютное, высшее начало – вечное и надмирное, его многие называют Богом, – «содержится» внутри нас, а все остальное – страшный сон. Каждый человек может открыть в себе это Высшее «Я», или Бога, отождествить себя с Ним, уничтожив ложное отождествление себя со своим телом, психикой, индивидуальностью и умом, перестав быть, таким образом, «дрожащей тварью». И тогда человек станет тем, кто он есть в действительности: не Николаем Смирновым, например, не человеком даже, а вечной абсолютной реальностью, которая невыразима в терминах индивидуального бытия, времени, числа и пространства и которая

существует, даже когда никаких миров и вселенной нет» [Мамлеев, 2001: 132].

Разумеется, «речь здесь идет об Архетипе Человеческой Души (а не об индивидуальной душе того или иного человека, который этим архетипом «владеет» только потенциально. Надо четко осознать ту дистанцию, которая лежит между Трансцендентным Человеком (Трансцендентный Человек, Вечный Человек, это, по существу Первообраз Человека как он есть в Боге. Это его идеальная душа, Вечный Архетип, который нисходит в мир, разделяясь на космологические архетипы человека, и, наконец, «уменьшаясь», воплощается в конкретного человека) и конкретным человеком, между высшим "Я" и индивидуальным "эго")» [Мамлеев, 2002: 162, 163]. Достоевский говорил, что «в человеке может вместиться Бог» [Достоевский, 1983, XXV: 228].

Таким образом, метафизическое учение Ю. Мамлеева представляет собой сложный синтез восточной метафизики, Адвайте – Ведаты, догматического христианское учения об обожении человека («Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом» – Афанасий Великий), нищенского самообожения, элементов философии Хайдеггера об обретении человеком самого себя. И, разумеется, убеждения Достоевского о необходимости для человека, всегда имеющего «искру божью» в душе своей, обрести прочную внутреннюю связь с Богом и Сыном Его. И это отнюдь не игра в варианты, не утверждение мысли о невозможности обретения абсолютной Истины, наконец, не выражение релятивистской тенденции, характерной для постмодернизма. В сложном синтезе учений моделируется собственная моноидея писателя-антрополога: мысль о таком хаосе и тьме в душе современного человека, которые не всегда в состоянии просветить свет христианской любви: сегодня человек, и, признавая Христа, даже принимая его как идеал, еще не спасается этим признанием, т.к. «идет дальше», оказывается на перепутье между Богом и Бездной.

Библиографический список

1. Достоевский, Ф.М. Полн. собр. соч. : в 30 т. – Л. : Наука, 1972-1990. Т. XIV. – Л.: Наука, 1976. – 511 с.; Т. XV. –Л.: Наука, 1976. – 624 с.; Т. XXI. – Л.: Наука, 1980. – 551 с.; Т. XXV. – Л.: Наука, 1983. – 470 с.
2. Дугин А. Русская вещь. Очерки национальной философии: в 2 т. т.1. / А. Дугин. – М.: АРКТОГЕЯ-центр, 2001. – 624 с.
3. Мамлеев, Ю.В. Конец века / Ю.В. Мамлеев // Мамлеев Ю.В. Черное зеркало. Циклы. – М.: Вагриус, 2001. – 351 с.
4. Мамлеев Ю. Судьба Бытия / Ю.Мамлеев. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rvb.ru/publikacion/03misk/thirdlit.html>. – Загл. с экрана.
5. Мамлеев, Ю. Судьба Бытия. Примечания. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rvb.ru/publikacion/03misk/thirdlit.html>. – Загл. с экрана.

6. Мамлеев, Ю. Россия вечная / Ю. Мамлеев. – М., АИФ–ПРИНТ, 2002. – 336 с.
7. Изображение зла не есть зло. Интервью С. Шаповала с Ю. Мамлеевым. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/urnov/1998/1/beseda/htm>. – Загл. с экрана.